"Тебе действительно стоит подумать об обновлении, Элоиза, - сказал Кевин Ашер. "Тебе нужно больше возможностей противостояния."

"Чего мне не нужно, так это внимания Внутренней Безопасности или копов," - ответила Элоиза, отступая и вытирая лоб. Затем она затянула в узел влажные от пота волосы. "Кевин, они не очень-то любят оружие у долистов!"

ВнуБез, ПУГ, городские власти и почти все полицейские силы Народной Республики - никто не знал, сколько их было, в конце концов - плохо относились к оружию в целом, но особое внимание они уделяли огнестрельному оружию. Вероятно, потому, что огнестрельное оружие - даже старомодное, с химическим источником энергии - представляло гораздо большую угрозу тем, кто считались защитниками закона и порядка в НРХ, чем простая дубинка или даже вибролезвие.

"Ради Бога, я не говорю о том, чтобы засунуть тебе трехствольник в набедренный карман," - сказал Ашер презрительным тоном. Затем выражение его лица смягчилось, когда он показал обеими большими сильными руками на тренажерный зал вокруг них. "У тебя хорошие руки, Элоиза, и ты одна из немногих людей, которых я знаю, кто продолжает становиться лучше. Но лучшее правило рукопашной - в первую очередь не позволять никакому ублюдку поднять на вас руку. Первое, чему учат морпехов - использовать руки только тогда, когда у вас нет пистолета или ножа, а обе ноги прибиты к полу."

Элоиза усмехнулась, хотя знала, что он был совершенно серьезен. Она тоже доверяла его мнению. Она и Кевин знали друг друга более пяти стандартных лет, с тех пор, как он открыл свою школу дзюдо на стодесятом этаже башни Дю Квесин. До нее было девяносто этажей, но она была расположена в том же квадранте на Стодесятом, что и квартира Притчарт на двухсотом, так что это было всего в пятнадцати минутах ходьбы от ближайшей шахты лифта. А Кевина, бывшего морского пехотинца, очень рекомендовала старшая сестра одной из ее учениц.

За последние пять лет Элоиза рекомендовала его и другим своим знакомым. Не всем из них. Кевин был настолько хорош, насколько предполагала первоначальная рекомендация. На самом деле он, наверное, был даже лучше. Его меньше беспокоили конкретные "школы" или чистые формы, чем то, что работает. Он называл свой личный стиль "стероидами уличных скандалистов", и это чертовски хорошо работало. И с точки зрения Элоизы, что сделало его особенно хорошим, так это то, что он понимал, что стиль каждого ученика должен работать на него, он учитывал в своем обучении размер и силу своего ученика, и ему, очевидно, нравились женщины... и он держал свои большие, сильные, умелые руки при себе, когда работал с одной из них.

Причина, по которой она не рекомендовала его всем своим знакомым, заключалась в том, что она сильно подозревала - нет, "подозревала" было слишком слабым словом - что он был связан с Союзом Гражданских Прав. Он был очень далек от фанатика, каким она его себе представляла, что иногда заставляло ее задумываться, как он мог поддерживать все действия СГП. Одно дело - взрывать Законодателей в их офисах или посты Внутренней Безопасности или устроить засаду на отряд Полиции Умственной Гигиены на городском тротуаре. Иногда Элоизе хотелось встать и порадоваться, когда что-то подобное происходило. Но чистые теракты, вроде атаки на частную школу, единственным нарушением которой было то, что ей покровительствовали в первую очередь семьи Законодателей... это было нечто другое. В официальных сообщениях говорилось, что в результате взрыва бомбы трое детей были убиты и шестеро ранены, но ходящие по Инфосистеме слухи говорили, что потери были больше как минимум в три раза.

Лично Элоизе было все равно, три, девять или девятнадцать человек погибло на самом деле. Они были детьми, как и ее ученики. Они были детьми Законодателей, людей, ответственных за отсутствие возможностей для ее детей. Ну и что? Они не выбирали своих родителей, и мысль о том, что кто-то убивает детей - чьих-то детей - просто для того, чтобы сделать политическое заявление, заставляла болеть ее желудок. Так как Кевин оправдывал связь с такими людьми?

Но это было между ним и его совестью. Она не знала, что вообще могло привести его в СГП, и не собиралась его за это осуждать. Нет, причина, по которой она не направила к нему на обучение некоторых из своих друзей, заключалась в том, что она отказалась познакомить их с потенциальным вербовщиком СГП. Эти друзья были достаточно огорчены, потому что, вероятно, искали кого-то, кто мог бы их завербовать, но Элоиза не хотела быть тем человеком, который нашел им его.

Даже если он стал одним из ее ближайших друзей.

И даже если она иногда хотела...

"Кевин, я не хочу начинать кого-то убивать просто так," - возразила она. Это был обычный аргумент.

"В двух третях случаев все, что вам нужно сделать, это показать готовность к бою," - последовал столь же обычный ответ. "Подлецы, которые пристают к одинокой женщине, как правило, быстро отступают, когда это происходит. Но иногда все сводится к тому, чтобы убить или быть убитым, и нет другого выбора. Мне это нравится не больше, чем тебе, но это правда. И также верно, что чем к более смертоносному бою вы готовы, тем быстрее кто-то может отступить и найти обратную дорогу. И давай будем честными, Элоиза, ты не большая женщина. У тебя нет физического размера, чтобы запугать тех, кто не так быстро улавливает намек. Особенно, если они считают угрозой оружие, а не тренировку и внимание. Ты знаешь - такие абсолютно тупые, вроде Кэла?"

"Кевин, ты ужасен!" - засмеялась Элоиза. "Кэл очень добр ко мне с тех пор, как я сломала ему палец."

"И он бы никогда не ткнул его тебе в лицо, если бы он не был на двадцать сантиметров выше тебя и не был действительно неизлечимо тупым," - парировал Кевин. "И да, я знаю, что он был пьян, и ты отказала ему провести с ним вечер. Но это часть моей точки зрения, Элоиза. Когда-нибудь ты можешь столкнуться с кем-то другим - с кем-то, у кого на уме что-то чертовски худшее. чем Кэл мог когда-либо придумать - кто слишком обкурен, или просто пьян, чтобы думать о том, что тренированный человек твоего роста мог бы с ними сделать." Он покачал головой: "И еще есть тот второстепенный факт, что ты одна из самых красивых женщин, которых я знаю. Черт возьми, которых я когда-либо знал!" Он снова покачал головой, его лицо было серьезным. "Ты притягиваешь взгляд, и не только из-за твоего цвета кожи. Вот почему Кэл в первую очередь набросился на тебя. Он был только немного... навеселе, возможно, но твоя внешность делает тебя большей мишенью для хищников, чем большинство, и ты это знаешь."

"Конечно, знаю," - ответила она, и ее тон был таким же спокойным, как и его выражение лица. "Я не собираюсь скрываться. И я не позволю такому "хищнику" диктовать мне образ жизни!"

"И не должна," - прорычал он. "И я хочу, чтобы тебе не приходилось об этом беспокоиться. Если эта чертова полиция просто будет выполнять свою работу - или если хотя бы один из наших любимых городских или провинциальных администраторов заставит их выполнять свою

работу - тебе, возможно, не придется защищаться, а я останусь без работы. Но они этого не делают, и не будут делать, и я слишком сильно люблю тебя, чтобы позволить тебе стать еще одним примером того, почему, черт возьми, они должны это делать!" Элоиза моргнула, увидев неподдельный гнев, ярость, кипящую под поверхностью этого последнего предложения. Его карие глаза потемнели, горя внутренней яростью, и маленький уголок ее мозга понимал в этот момент, насколько ужасающим может быть Кевин Ашер. Она подумала, кого он "слишком любит", а кто станет "еще одним примером"? Возможно, поэтому он мог быть частью СГП, несмотря на их слишком частые эксцессы.

"В поддержку моей теории," - продолжил он через мгновение намного более легким тоном, как будто он сознательно отступил от бездны гнева, "я должен указать, что даже в самом пьяном виде Кэл никогда не был таким обидчивым со мной!"

"Уму непостижимо," - возразила Элоиза. "Желудок переворачивается!" Она подняла обе руки в отталкивающем жесте и театрально вздрогнула при виде возникшего образа. "Я не могу сказать наверняка, но я почти уверена, что Кэл настолько гетеросексуален, насколько возможно, Кевин. И давай будем честными. Ты не самый лучший пример того, что он мог найти. Ты то, что по-моему плохие романисты называют, эээ... сурово выглядящим."

"Ну спасибо." Он поморщился. "Потрепанный, ты имеешь в виду?"

"Конечно, но ты мне слишком сильно нравишься, чтобы высказать это," - серьезно заверила она его.

"Ты так добра ко мне," - сказал он. "Но мое замечание, как ты прекрасно поняла, заключается в том, что в отличие от тебя я на десять сантиметров выше, чем он. Единственное, чему даже я не могу научить тебя - это росту, и печальная правда заключается в том, что физический размер часто сам по себе средство устрашения, его отсутствие для некоторых людей, как красная тряпка для быка."

Она кивнула более серьезно. На самом деле Кевин недооценивал разницу в их размерах. Ее рост был едва сто шестьдесят сантиметров, а вес - скудные пятьдесят пять килограммов. Кевин же был ростом почти сто девяносто четыре сантиметра и весил вдвое больше, чем она, одни кости и мускулы. Его бицепсы были толщиной с ее бедра, а плечи более чем в два раза шире ее плеч. Вместе со своими покрытыми шрамами костяшками и своего рода "грубым" лицом, которое возникло из-за частых ударов по нему в детстве, он излучал некий элементарный страх, который мог заставить отступить любого. На самом деле, он выглядел как человек, который постоянно рвал случайно встреченных незнакомцев на мелкие кусочки за то, что они наступали ему на пятки. Это было не так. Фактически, она подозревала, что очень немногие люди даже могли представить, насколько сильно противоречила эта внешность характеру человека.

За исключением жесткости, конечно. И не то чтобы она на мгновение сомневалась, что Кевин Ашер может стать худшим кошмаром для любого человека, если захочет.

Но он не захочет без очень веской причины.

Так она думала.

"Я слышу, что ты говоришь," - сказала она ему. "Но я стараюсь увидеть проблему до того, как она увидит меня. Когда ты это делаешь, проблем намного легче избежать. И - как я уже сказала, Кев - я не хочу начинать противостояние с применения смертоносного оружия, если это не обязательно. Вот почему я ношу дубинку."

"И это очень полезно," - согласился он.

Элоиза предпочитала стандартную полицейскую дубинку с изменяемой длиной и повышенной инерционной нагрузкой. Она сжималась до пятнадцати сантиметров, но могла быть увеличена до девяноста с шагом пятнадцать сантиметров, а ее длина в сложенном виде была достаточно мала, чтобы поместиться в тканевые ножны, вшитые Дороти Тремонт, матерью одной из ее учениц, в левое бедро каждой пары ее брюк. Одновременно Дороти снимала подкладку с левого набедренного кармана, чтобы дать ей возможность мгновенно получить доступ к дубинке... и она регулярно практиковалась именно в этом. Ей не нужно было, чтобы Кевин говорил, что ее скорость реакции была первым и наиболее важным элементом самообороны. При правильном использовании эта дубинка была очень эффективна - что полиция достаточно часто демонстрировала, ломая головы точно такими же дубинками - и она носила ее с детства. Она подарила Эстель точно такую же на ее одиннадцатый день рождения.

"Единственная проблема," - продолжил Кевин, "то, что люди не считают ее смертельным оружием. Некоторые из них, особенно если их несколько - а ты знаешь, какие бандиты бродят по некоторым этажам Дю Квесина - могут подумать, что они могут стерпеть урон - или еще лучше, что один из их приятелей может стерпеть урон - пока они не отнимут ее у тебя. Если они правы, я гарантирую, что они в конечном итоге используют ее на тебе просто как подготовительное упражнение. Даже если они ошибаются, ты можешь сильно пострадать, демонстрируя им это. А я совсем не хочу, чтобы ты пострадала."

"Так что ты рекомендуешь взамен?" - спросила она, вздохнув. "Я знаю, ты не остановишься, пока не скажешь."

"Нет," - согласился он с гораздо более веселой улыбкой. "А поскольку ты была так добра - и так осторожна - чтобы спросить, вот что я имел в виду."

Он полез в карман брюк и вытащил двенадцатисантиметровый цилиндр, около четырех сантиметров в диаметре, и глаза Элоизы потемнели, когда она узнала рукоятку вибролезвия.

"Я не знаю, Кев... " - начала она.

"Сначала послушай меня," - сказал он, поднимая вибролезвие.

Она смотрела на него мгновение, затем кивнула, и он нажал кнопку активации. Само "лезвие", конечно, было невидимым. Фактически, оно даже не было сгенерировано, пока пользователь не нажал специальную кнопку на рукоятке и не вывел лезвие полностью в рабочий режим. Но пронзительный, безошибочно узнаваемый вой, издаваемый всеми такими лезвиями при активации, был даже громче, чем у большинства. Трехсантиметровый барьер выдвинулся, когда лезвие ожило, предотвращая случайную ампутацию руки пользователя от сползания в режущую плоскость. Предполагалось, что это невозможно из-за отключения лезвия, если пользователь отпускает кнопку активации, но это не всегда происходило так, как предполагалось.

"Это седьмая модель Мартинес Индастриз," - сказал он ей. "На заводе оно настраивается на пятнадцать или тридцать сантиметров, и официально признано оружием третьего класса, что делает его ношение легальным. Что еще более важно, как только кто-то слышит это, он понимает, что у вас что-то намного опаснее, чем просто дубинка. И никто, кроме идиотов, не будет хватать эту малютку, чтобы обезоружить тебя!"

"Наверняка," - сказала она, глядя на вибролезвие. "А что ты имел в виду говоря "на заводе"."

"Я имею в виду, что... немного повозился с ним," - сказал он. "Есть трюк, которому меня научил оружейник в морской пехоте. Можно увеличить его максимальную длину до девяноста сантиметров примерно на двадцать пять минут. После этого оно полностью выгорает, но пока работает, можно отпинать зад любому, и большинство людей не ожидают такой дополнительной длины. И не увидят его, пока не столкнутся с ним вплотную. Это чертовски хорошее оружие для ближнего боя, Элоиза."

"Я уверена, что это так," - сказала она слегка потрясенным тоном. "Но я не знаю, как его использовать."

"О, ерунда!" Кевин отключил клинок и бросил ей рукоятку. "Мы с тобой тренируемся с твоей дубинкой в течение пятнадцати минут каждый раз, когда ты приходишь сюда. Вес этой штуки почти идентичен весу дубинки - одна из причин, по которой я выбрал ее для тебя - и я учил тебя действовать обеими руками более четырех лет. И ты пытаешься сказать мне, что не думаешь, что сможешь эффективно размахивать этой штукой?"

"Ну... "

"Что я и думал," - проворчал он, когда она повертела рукоять в обеих руках, глядя на нее. "А теперь послушай меня на минутку, Элоиза. Я не говорю, что тебе нужно сразу начинать резать на кусочки. Честно говоря, я бы не стал предлагать тебе это, если бы думал, что это твое главное желание! Но то, что ты левша, удивит восемьдесят, девяносто процентов людей, с которыми ты можешь столкнуться, а после четырех лет со мной ты чертовски хорошо орудуешь дубинкой обеими руками."

"Итак допустим, ты действительно вступаешь в конфронтацию, которой не можешь избежать. Я знаю тебя, ты не собираешься быть подстрекателем, но это все равно может случиться. Допустим, что это так. Теперь что ты делаешь? Дубинка в твоей левой руке, вытянутая и готовая к работе. Если они отступят, хорошо. Если нет, может быть дубинка - все, что тебе нужно, и в этом случае это все, что ты используешь. Но между тем, в правой руке эта штука," - он указал на вибролезвие в ее руках, - и если это понадобится, она мгновенно окажется готовой к работе. Если ты включишь ее заранее, может быть двое или трое из них, услышав, как она поет... пересмотрят свои намерения. И поверь мне, два аргумента в пользу пересмотра чертовски лучше, чем один."

* * *

http://tl.rulate.ru/book/57899/1479594